
СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
X—первой четверти XVIII века

Древняя русская литература принадлежит к особому типу литератур — литератур средневековых. Есть нечто общее между бытованием древнерусских произведений и фольклорных.

Произведения древней русской литературы по большей части не имели устойчивого, авторского текста. Новые редакции и новые виды произведений появлялись в ответ на новые требования, постоянно выдвигавшиеся жизнью, или обуславливались изменениями литературных вкусов. В этом особая «живучесть» древнерусских литературных произведений. Некоторые из них читались и переписывались в течение нескольких веков. Другие быстро исчезали, но понравившиеся части включались в состав других произведений, так как чувство авторской собственности еще не развилось настолько, чтобы охранять авторский текст от изменений или от заимствований из него в состав других произведений.

Общность с фольклором сказывается и в другом. Как и в фольклоре, в древнерусской литературе особое место занимают «общие места». Литературное произведение не стремится поразить читателя новизной, а, напротив, успокоить и «заворожить» его привычностью. Составляя свое литературное произведение, автор как бы совершает некий обряд, участвует в ритуале. Он обо всем рассказывает в подходящих, приличествующих рассказываемому церемониальных формах. Он восхваляет или порицает то, что принято восхвалять и порицать, и всему своему славословию или хуле он придает приличествующие случаю этикетные формы. Поэтому текст литературных произведений — это текст, по большей части лишенный неожиданностей. Эти неожиданности так же нежелательны, как нежелательны они в любых церемониях, в любых обрядах.

Литература — обряд. Она обряжает тему в соответствующий ей литературный наряд. И это не только сближает ее с фолькло-

ром, но приводит, как и в фольклоре, к особой импровизационности древнерусского литературного творчества, к его коллективности и к его традиционности.

Чем строже следует автор традициям литературного этикета, тем легче ему творить в рамках этой традиционности новые и новые произведения. В результате литературные произведения Древней Руси не ограждены друг от друга строгими границами, не закреплены точными представлениями о литературной собственности, в известной мере повторяют привычные формы и поэтому как бы обладают некоторой «текучестью», отражающейся в общем литературном процессе не только «размытостью» хронологических границ, но и некоторой трудностью наблюдения над изменениями в литературе. Литературный процесс XI—XVII вв. трудно уловим и определим.

Но в историко-литературном процессе есть и такие стороны, которые не только затрудняют его наблюдения, но и облегчают. Облегчает наше наблюдение за развитием русской литературы прежде всего связь литературы с историческим процессом — своеобразный и очень резко выраженный средневековый историзм древнерусской литературы.

В чем же заключается этот «средневековый историзм»? Прежде всего — в том, что художественное обобщение в Древней Руси совершается в подавляющем большинстве случаев на основе того или иного исторического факта. Новые произведения литературы Древней Руси всегда прикреплены к конкретному историческому событию, к конкретному историческому лицу. Это повести о битвах (о победах и поражениях), о княжеских преступлениях, о хождениях в святую землю (в Палестину), в Константинополь и о людях — по преимуществу о святых и князьях-полководцах. Есть повести об иконах и о построении церквей, о чудесах, в которые верят, о явлениях, которые якобы совершились. Но мало новых произведений на явно вымышленные сюжеты. Вымысел — ложь, а любая ложь со средневековой точки зрения недопустима. Вымышленные сюжеты (например, сюжеты притч) на русской почве приобретают историческую окраску, имеют тенденцию прикрепляться к тем или иным историческим лицам или событиям. Даже проповедники по большей части избегают иносказаний и баснословий.

Литература огромным потоком сопровождает историю, следует за ней по пятам. Разрыв между событием и первым литературным произведением о нем редко бывает велик. Последующие произведения изменяют и комбинируют первые, но редко создают совершенно новое освещение событий. Боясь лжи, писатели основывают свои произведения на документах и как документ воспринимают всю предшествующую письменность.

Литература — свидетельство жизни. Вот почему сама история до известной степени устанавливает периодизацию литературы,

а главный из документов о действительности — летопись — служит для исследователей главной же опорой для датировки памятников.

Даты летописных сводов — важные вехи в истории литературы. С тех пор как история летописания стала включаться в историю русской литературы XI—XVI вв.,¹ стало возможным и историческое рассмотрение литературных памятников, во всяком случае тех из них, которые в прямой или косвенной форме были связаны с летописанием.

* * *

«Средневековый историзм» русской литературы XI—XVII вв. находится в связи с другой важной ее чертой, сохранившейся в русской литературе вплоть до наших дней, — ее гражданственностью.

Призванный рассматривать действительность, следовать этой действительности и ее оценивать, русский писатель уже в XI в. воспринимал свой труд как служение родной стране. Русская литература всегда отличалась особой серьезностью, пыталась отвечать на основные вопросы жизни, звала к ее преобразованиям, обладала разнообразными, но всегда высокими идеалами. В своей критике действительности русские писатели нередко шли по торному пути мученичества. Подвигом была литературная деятельность для летописца XI в. Никона, вынужденного бежать от гнева князя Изяслава в далекую Тмуторокань. Подвигом она была и для Нестора. Сам князь Владимир Мономах наставляет русских князей не только в своей непосредственной политической деятельности, но и в своем литературном труде — знаменитом «Поучении к детям» и письме к князю Олегу Святославичу. Он покровительствует летописанию и агиографии. Большим общественным делом была литература и для некоего Василия в начале XII в., составившего обличительную повесть об ослеплении князьями Василька Теробовльского. В течение всего XII и XIII вв. идет длинный ряд произведений, то обличающих усобицы князей, то призывающих князей к крепкой обороне Русской земли, то оплакивающих поражения и осуждающих княжеские преступления.

Высокий патриотизм русской литературы тех же веков связан не только с гордостью за Русскую землю, но и со скорбью по поводу понесенных поражений или ее общественных недостатков, со стремлением вразумить князей и бояр, а порой и с попытками их осудить, возбудить против худших из них гнев читателей.

¹ Впервые в широком масштабе это сделано в первых двух томах многотомной «Истории русской литературы», изданной ИРЛИ АН СССР (т. 1 — М.—Л., 1941; т. 2, ч. 1 — М.—Л., 1945; т. 2, ч. 2 — М.—Л., 1948).

Гражданский дух русской литературы оставляет глубокий след в XI—XVII вв.: тут произведения, призывающие к преобразованию всего строя русской жизни, Пересветова и Ермолая-Еразма; тут и наставительные произведения Максима Грека. Летопись и историческое повествование призывают к действенной защите Русской земли от ее врагов.

За перо берутся новгородские и московские еретики. Пишет сам царь и его противник — князь Курбский. В XVII веке литературная деятельность Аввакума и Епифания отмечена прямым мученичеством.

Все русские писатели, каждый по-своему, высоко несут свой писательский долг. Каждый из них в какой-то мере пророк-обличитель, а некоторые — просветители, распространители знаний, истолкователи действительности, деятельные и высоко патриотичные участники гражданской жизни в стране.

Это высокое призвание писателя сохраняется и в новое время. Литература движется чувством высокой общественной ответственности ее создателей. Она проникнута действенной любовью к родине. Это постоянная ее особенность на протяжении всего ее существования.

И эту сторону русской литературы, как важнейшую, стремится отразить настоящее издание.

* * *

Как же следует периодизировать историю русской литературы XI—XVII веков? Литературные изменения в основном совпадают с историческими.

Первый период — период относительного единства литературы. Литература развивается в двух центрах — в Киеве на юге и в Новгороде на севере. Он длится от первой четверти XI в. и захватывает собой начало XII в. Это век монументального стиля литературы. Век первых русских житий — Бориса и Глеба, киево-печерских подвижников Антония и Феодосия и первого памятника летописания — «Повести временных лет». Это век единого древнерусского Киево-Новгородского государства.

Второй период — от начала XII до первой четверти XIII в. — период проявления новых и новых литературных центров: Владимира-Залесского и Суздаля, Ростова и Смоленска, Галича и Владимира-Волынского; появляются местные черты и местные темы в литературе, разнообразятся жанры, в литературу вносится сильная струя злободневности и публицистичности. Это период начавшейся феодальной раздробленности.

Особняком стоит короткий период монголо-татарского нашествия и начала ига — с середины XIII по середину XIV в., когда создаются повести о вторжении монголо-татарских войск: о битве на Калке, о взятии Владимира-Залесского, «Слово о погибели Русской земли» и «Житие Александра Невского». Литература

сжимается до одной темы — темы монголо-татарского вторжения, но тема эта проявляется с необыкновенной интенсивностью, и черты монументального стиля предшествующего периода приобретают трагический отпечаток и лирическую приподнятость высокого патриотического чувства.

Следующий период — конец XIV и первая половина XV в. — это век Предвозрождения, совпадающий с экономическим и культурным возрождением Русской земли в период, непосредственно предшествующий и последующий за Куликовской битвой 1380 г. Это период экспрессивно-эмоционального стиля и патриотического подъема в литературе, период возрождения летописания, исторического повествования, панегирической агнографии, обращения ко временам независимости Руси во всех областях культуры: в литературе, зодчестве, живописи, фольклоре, политической мысли и т. д.

Вторая половина XV и первая половина XVI в. характеризуются бурным развитием общественной мысли и публицистики. Тому и другому свойственна ренессансная вера в силу разума, в силу слова и убеждений, в разумность природы и — поиски реформ. Но настоящего Ренессанса в России все же не создано. Падение городов-коммун Новгорода и Пскова, подавление ересей и поглощение всех духовных сил напряженным строительством единого централизованного государства — были тому причиной.

Затем следует период (вторая половина XVI в.), когда «нормальное» развитие литературы оказалось нарушенным. Организация единого русского централизованного государства поглощала основные духовные силы народа. Движение к Возрождению затормозилось. В литературе развивается публицистика; внутренняя политика государства и преобразования общества все больше и больше занимают внимание писателей и читателей. В литературе все интенсивнее сказывается официальная струя. Наступает пора «второго монументализма»: традиционные формы литературы доминируют и подавляют индивидуальное начало в литературе и развитие беллетристичности.

XVII век — век перехода к литературе нового времени. Это век развития индивидуального начала во всем: в самом писателе и в его творчестве; век развития индивидуальных вкусов и стилей, писательского профессионализма и чувства авторской собственности, индивидуального, личностного протеста, связанного с трагическими поворотами в биографии писателя, и индивидуального начала в действующих лицах литературных произведений. Личностное начало способствует появлению силлабической поэзии и регулярного театра.

Близко к этому «переходному веку» примыкает и эпоха петровских преобразований — эпоха, продолжившая и в известной мере завершившая переход к литературе нового типа — типа нового времени.

На протяжении XVI и XVII, а отчасти XVIII вв. в России постоянно дают себя знать отдельные возрожденческие явления: развитие индивидуального начала в творчестве, постепенное освобождение личности из-под власти средневековой корпоративности, — но единой эпохи Возрождения в России не было. Было «замедленное Возрождение», ибо без возрожденческих явлений не может совершиться переход от средневековья к новому времени. Благодаря замедленности и заторможенности Возрождения все возрожденческие явления приобретали на Руси особенную актуальность. Личность человека стала центром литературного процесса.

* * *

Первые века рассматриваемой литературы — это века собственно древнерусской литературы XI—XIII вв. К этому периоду относится еще не расчлененное единство всего восточного славянства. Независимо от того, где создавались отдельные произведения — в Новгороде, Киеве, Ростове, Владимире-Волынском, Галиче или Турове, они распространялись по всей восточнославянской территории и включались в единую литературу, которую мы считаем возможным называть собственно древнерусской (восточнославянские племена называли себя «русскими», но в отличие от русских — великорусов мы предпочитаем говорить о них как о древнерусских племенах, а литературу называть древнерусской).

Начиная с XVI в. наступает важный период постепенного формирования национальных особенностей трех будущих восточнославянских наций: великорусской, украинской и белорусской.

Начинается формирование особой литературной традиции у каждого из трех братских восточнославянских народов, но только с XVI в. мы можем говорить о литературе древневеликорусской, древнеукраинской и древнебелорусской. К XVII в. их национальные особенности оформляются окончательно.

Если мы и называем древневеликорусскую литературу XIV—XVII вв. по-прежнему древнерусской, то это не более чем дань издавна сложившейся традиции. Трудно сейчас уже устанавливать новую терминологию, менять языковые привычки и придавать «неустоявшимся» словам (как слово «древневеликорусская») устойчивое значение.

* * *

Само собой разумеется, что нет необходимости, да и возможности говорить в истории литературы обо всех памятниках, бытовавших в Древней Руси.

Естественно получается, что мы говорим по преимуществу о тех произведениях, которые продолжают нас интересовать и се-

годня, о тех, которые входят в наше великое литературное наследие, о тех, что более известны и более нам понятны и доступны. При этом происходит некоторое искажение перспективы — искажение допустимое и неизбежное.

Большие компилятивные памятники Древней Руси еще не изучены в достаточной мере: различные типы Палей («Толковая», «Хронографическая», «Историческая» и др.), «Великие Четьи Минеи», Прологи, сборники устойчивого содержания (как, например, «Златоуст», «Измарагд» и пр.) исследованы так мало, что о них трудно говорить в истории литературы. А между тем многие из них читались чаще и дошли до нас в большем количестве списков, чем памятники нам знакомые, без которых не может обойтись история литературы, если она претендует иметь для современного читателя общеобразовательное значение. Так, например, «Измарагд» несомненно читался больше и имел большее значение в XVI—XVII вв., чем более известный в XIX и XX вв. «Домострой», который, кстати, и сам зависел от «Измарагда». И тем не менее мы включаем «Домострой» в историю русской литературы, а «Измарагд» опускаем. И делаем мы это вполне сознательно: «Домострой» не только более известен в истории русской культуры, но он и более показателен для историко-литературного процесса. Он несет на себе характерный отпечаток XVI в. — этим отпечатком своего времени (XIV в.) не обладает или почти не обладает «Измарагд». Во всяком случае, следы своей эпохи (эпохи русского Предвозрождения) еще должны быть в нем выявлены исследователями.

Вообще следует предупредить читателя об одном важном обстоятельстве: несмотря на то что русскими литературными произведениями XI—XVII вв. занимались крупнейшие представители академической науки — В. Н. Татищев, Н. И. Новиков, Евгений Болховитинов, К. Ф. Калайдович, Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, А. А. Шахматов, В. Н. Перетц, В. М. Истрин, Н. К. Никольский, А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц и многие, многие другие, — древнерусская литература в своей массе исследована еще очень слабо.

Многие памятники не только не изучены, но и не изданы: не закончены изданием «Великие Четьи Минеи», не издан «Еллинский и Римский летописец», научно не издан «Пролог», не изданы многие сборники устойчивого состава, некоторые летописи. Научно не издан крупнейший писатель XVI в. Максим Грек, неизданными остаются многие произведения Симеона Полоцкого; нет научных изданий многих знаменитых памятников древнерусской литературы.

Многие из рукописных собраний древнерусских памятников не описаны или описаны недостаточно подробно по своему составу.

Древняя русская литература, как и древнее русское искусство, во многом еще ~~находится~~ «за семью замками».

Значит ли это, что время для написания научной истории древней русской литературы еще не пришло? Многие из крупнейших русских филологов прошлого так и считали. Другие русские филологи создавали не истории древней русской литературы, а обзоры памятников, располагая их по жанрам, темам или группируя их по историческим периодам, но не пытаясь определить в них черты эпохи, усмотреть существенные историко-литературные изменения и развитие.

Предлагаемая история русской литературы XI—XVII вв. учитывает опыт первых двух томов десятитомной «Истории русской литературы», изданной Институтом русской литературы АН СССР в 40-х гг., и первой части первого тома трехтомной «Истории русской литературы» под редакцией Д. Д. Благого. Но главным фактическим и теоретическим фундаментом этой части явились многочисленные исследования по истории русской литературы Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР.

Как и большинство других народов Европы, Русь миновала рабовладельческую формацию. Поэтому Русь не знала античной стадии в развитии своей культуры. Непосредственно, от общинно-патриархальной формации восточные славяне перешли к феодализму. Этот переход совершился необыкновенно быстро на огромной территории, населенной восточнославянскими племенами и различными угро-финскими народностями.

Отсутствие той или иной стадии в историческом развитии требует своей «компенсации», восполнения. Помощь обычно приходит от идеологии, от культуры, черпающих при этих обстоятельствах свои силы в опыте соседних народов.

Появление литературы, и притом литературы для своего времени высоко совершенной, могло осуществиться только благодаря культурной помощи соседних стран — Византии и Болгарии. При этом необходимо подчеркнуть особое значение культурного опыта Болгарии. Регулярная письменность и литература в Болгарии явились на столетие раньше в сходных условиях: Болгария также не знала в основном рабовладельческой формации и усвоила культурный опыт той же Византии. Болгария совершила усвоение византийской культуры в обстоятельствах, близких тем, которые создались через столетие на Руси при усвоении ею византийской и болгарской культуры: Русь получила византийский культурный опыт не только в его непосредственном состоянии, но и в «адаптированном» Болгарией виде, приспособленном к нуждам феодализирующегося общества.

Необходимость в ускоренном развитии культуры создала на Руси высокую усвояемость культурных явлений Византии и Болгарии. Дело не только в потребностях, но и в том еще, что древнерусская культура в X и XI вв. в силу своей гибкой молодости обладала острой одаренностью к усвоению чужого опыта, повышенной «растворяющей способностью». Отсутствие глубоких традиций классовой культуры при бурном развитии классовых отношений заставляло русское общество впитывать и усваивать чу-

жие элементы классовой культуры и создавать свои собственные. Усвоение чужого шло так же интенсивно, как и построение своего. Пришедшая со стороны литература болгар в ее переводной, с греческого, и оригинальной болгарской части должна была перестроить свою жанровую систему. Эта перестройка осуществлялась в двух направлениях: в направлении отбора тех жанров, которые были необходимы, и в направлении создания новых жанров. Первое делалось уже при самом переносе литературных произведений в Древнюю Русь, второе требовало длительного времени и заняло несколько столетий. Создание новых жанров не только должно было ответить потребностям русской действительности вообще, но и тем потребностям, которые постоянно возникали вновь с изменением этой действительности, с появлением новых общественных ситуаций. Возникновение новых жанров и изменение старых — это одна из самых важных линий в развитии русской литературы X—XVII вв.

Было бы неправильно думать, что система византийских жанров была целиком воспринята на Руси. Жанры были перенесены, но далеко не все. Византийская система была перенесена на Русь в своеобразно «укороченном» виде. Потребовались только те жанры, которые были непосредственно связаны с церковной жизнью, и жанры общемировоззренческие, отвечавшие новому отношению людей к природе.

Потребности в восполнении жанровой системы были обусловлены неполнотой этих систем. Но самая основная причина необходимости появления новых жанров, отсутствовавших среди перенесенных на Русь, была не столько в потребностях восполнения системы, сколько в потребностях древнерусской действительности.

Жанры средневековой русской литературы были тесно связаны с их употреблением в быту — светском и церковном. В этом их отличие от жанров новой литературы, образующихся и развивающихся не столько из потребностей обихода, сколько из потребностей самой литературы и действительности.

В средние века все искусства, и в их числе литература, носили прикладной характер. Богослужение требовало определенных жанров, предназначенных для определенных же моментов церковной службы. Некоторые жанры имели свое назначение в сложном монастырском быту. Даже келейное чтение имело жанровую регламентацию. Отсюда несколько типов житий, несколько типов церковных песнопений, несколько типов книг, регламентирующих богослужение, церковный и монастырский быт, и т. д. В жанровую систему входили даже такие жанрово не повторяющиеся произведения, как служебные евангелия, различные пален и паремийники, апостольские послания и пр.

Уже из этого беглого и крайне обобщенного перечисления церковных жанров ясно, что часть из них могла развиваться в своих недрах новые произведения (например, жития святых, которые должны были создаваться в связи с новыми канонизациями).

а часть жанров была строго ограничена существующими произведениями и создание новых произведений в их пределах было невозможно. Однако и те и другие не могли изменяться: формальные признаки жанров были строго регламентированы особенностями их употребления и внешними традиционными признаками (например, обязательные девять частей канонов и их обязательное отношение с ирмосами).

Несколько менее стеснены внешними формальными и традиционными требованиями были светские жанры, пришедшие к нам из Византии и Болгарии. Эти светские жанры не связывались с определенным употреблением в быту и поэтому были более свободными в своих внешних, формальных признаках.

Обслуживая регламентированный средневековый быт, жанровая система литературы, перенесенная на Русь из Византии и Болгарии, не удовлетворяла, однако, всех потребностей в художественном слове.

Грамотные верхи феодального общества имели в своем распоряжении и книжные и устные жанры. Неграмотные народные массы удовлетворяли свои потребности в художественном слове с помощью более универсальной, чем книжная, устной системы жанров. Книжность была только отчасти доступна народным массам через богослужение, а во всем остальном они были и исполнителями и слушателями фольклора.

Литературно-фольклорная жанровая система словесного искусства русского средневековья была в отдельных своих частях более жесткой, в других — менее жесткой, но если ее брать в целом, она была очень традиционной, сильно формализованной, мало меняющейся. В значительной мере это зависело от того, что система эта была по-своему церемониальной, тесно зависящей от обрядового ее употребления.

Чем более она была жесткой, тем настоятельнее она подвергалась изменению в связи с переменами в быте, в обрядах и в требованиях применения. Она была негибкой, а следовательно — ломкой. Она была связана с бытом, а следовательно — должна была реагировать на его изменения. Связь с бытом была настолько тесной, что все изменения общественных потребностей и быта должны были отражаться в жанровой системе.

* * *

Раннефеодальные государства были очень непрочными. Единство государства постоянно нарушалось раздорами феодалов, отражавшими центробежные силы общества. Чтобы удержать единство, требовались высокая общественная мораль, высокое чувство чести, верность, самоотверженность, развитое патриотическое самосознание и высокий уровень словесного искусства — жанров политической публицистики, жанров, воспевающих любовь к родной стране, жанров лиро-эпических.

Единство государства, при недостаточности связей экономических и военных, не могло существовать без интенсивного развития личных патриотических качеств. Нужны были произведения, которые ясно свидетельствовали бы об историческом и политическом единстве русского народа. Нужны были произведения, которые активно выступали против раздоров князей. Поражающей особенностью древнерусской литературы этого периода являлось сознание единства всей Русской земли без каких-либо племенных различий, сознание единства русской истории и государства. Создается политическая концепция, согласно которой все князья — братья происходят от трех братьев — Рюрика, Синеуса и Трувора.

Для распространения этих идей было недостаточно одной литературы. Помощь церкви была в этих условиях так же важна, как и помощь литературы. Создается культ святых братьев князей Бориса и Глеба, безропотно подчинившихся руке убийц, посланных их братом Святополком Окаянным.

Эти особенности политического быта Руси были отличны от того политического быта, который существовал в Византии и Болгарии. Идеи единства были отличны уже по одному тому, что они касались Русской земли, а не Болгарской или Византийской. Нужны были поэтому собственные произведения и собственные жанры.

Вот почему, несмотря на наличие двух взаимодополняющих систем жанров — литературных и фольклорных, русская литература XI—XIII вв. находилась в процессе жанрообразования. Разными путями, из различных корней постоянно возникают произведения, которые стоят особняком от традиционных систем жанров, разрушают их либо творчески их объединяют.

В результате поисков новых жанров в русской литературе и в фольклоре появляется много произведений, которые трудно отнести к какому-нибудь из прочно сложившихся традиционных жанров. Они стоят вне жанровых традиций.

Ломка традиционных форм вообще была довольно обычной на Руси. Дело в том, что новая, явившаяся на Русь культура была хотя и очень высокой, создав первоклассную «интеллигенцию», но эта культура налегла тонким слоем, слоем хрупким и слабым. Это имело не только дурные последствия, но и хорошие: образование новых форм, появление вне традиционных произведений было этим очень облегчено. Все более или менее выдающиеся произведения литературы, основанные на глубоких внутренних потребностях, вырываются за пределы традиционных форм.

В этой обстановке интенсивного жанрообразования некоторые произведения оказались единичны в жанровом отношении («Моление» Даниила Заточника, «Поучение», «Автобиография» и «Письмо к Олегу Святославичу» Владимира Мономаха), другие получили устойчивое продолжение (Начальная летопись — в русском летописании, «Повесть об ослеплении Василька Теремовль-

ского» — в последующих повестях о княжеских преступлениях), третьи имели лишь отдельные попытки продолжить их в жанровом отношении («Слово о полку Игореве» — в «Задонщине»).

Отсутствие строгих жанровых рамок способствовало появлению многих своеобразных и высокохудожественных произведений.

Процессы жанрообразования способствовали интенсивному использованию в этот период опыта фольклора (в «Повести временных лет» и других летописях, в «Слове о полку Игореве», в «Слове о гибели Русской земли», в «Молении» и «Слове» Даниила Заточника и т. д.).

Процесс жанрообразования, осуществлявшийся в XI—XIII вв., возобновился в XVI в. и протекал довольно интенсивно в XVII в.

Пропуск античной стадии в развитии культуры поднял значение литературы и искусства в развитии восточного славянства. На литературу и другие искусства выпала, как мы видели, ответственнейшая роль — поддержать тот скачок, который произошел в результате пропуска рабовладельческой формации. Вот почему общественная роль всех видов искусства была чрезвычайно велика в XI—XIII вв. у всех восточных славян.

Чувство истории, чувство исторического единства, призывы к политическому единению, разоблачения злоупотреблений властью распространялись на огромную территорию с большим и пестрым разноплеменным населением, с многочисленными полусамостоятельными княжествами.

Уровень искусств ответил уровню общественной ответственности, которая выпала на их долю. Но эти искусства не знали все же собственной античной стадии — только отклики чужой через Византию. Поэтому когда в России в XIV и начале XV в. создались социально-экономические условия для возникновения Предренессанса и этот Предренессанс действительно возник, он сразу в историко-культурном отношении был поставлен в своеобразные и невыгодные условия. Роль «своей античности» была возложена на Русь домонгольскую, Русь периода ее независимости.

Литература конца XIV—начала XV в. обращается к памятникам XI—начала XIII в. Отдельные произведения этого времени механически подражают «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона, «Повести временных лет», «Слову о гибели Русской земли», «Житию Александра Невского», «Повести о разорении Рязани» и, самое главное, «Слову о полку Игореве» («Задонщина»). В зодчестве замечается аналогичное обращение к памятникам XI—XIII вв. (в Новгороде, Твери, Владимире), то же происходит в живописи, то же — в политической мысли (стремление возродить политические традиции Киева и Владимира-Залеского), то же — в народном творчестве (формирование киевского цикла былин). Но все это оказывается недостаточным для Пред-

возрождения, и поэтому особое значение имеет укрепление связей со странами, пережившими античную стадию культуры. Русь возрождает и укрепляет свои связи с Византией и со странами византийского культурного ареала — прежде всего с южными славянами.

Одна из характернейших и существеннейших черт Предвозрождения, а затем, в большей мере, Возрождения — это появление историчности сознания. Статичность предшествующего мира сменяется динамичностью нового. Этот историзм сознания связан со всеми основными чертами Предвозрождения и Возрождения.

Прежде всего историзм органически связан с открытием ценности отдельной человеческой личности и с особым интересом к историческому прошлому.

Мир как история! — понимание это соединено с антропоцентризмом. Представление об исторической изменчивости мира связано с интересом к душевной жизни человека, с представлением о мире как о движении, с динамизмом стиля. Ничто не закончено, а поэтому и невыразимо словами; текущее время неуловимо. Его может лишь в известной мере воспроизвести поток речи, динамический и многоречивый стиль, нагромождение синонимов, обертоны смысла, ассоциативные ряды.

Предренессанс в русском изобразительном искусстве сказывается прежде всего в творчестве Феофана Грека и Андрея Рублева. Это два резко различных художника, но тем характернее они для Предренессанса, когда вступает в свои права роль личности художника и индивидуальные различия становятся типичными явлениями эпохи. Слабее сказывается Предренессанс в литературе. Характерное явление Предренессанса — «Повесть о Петре и Февронии Муромских», имеющая тонкие связи со «Сказанием о Тристане и Изольде». Для Предренессанса характерны также «филологические» интересы книжников, «плетение словес», эмоциональность стиля и пр.

Когда начиная с середины XV в. стали падать одни за другими основные предпосылки образования Ренессанса, русское Предвозрождение не перешло в Ренессанс. Предренессанс не перешел в Ренессанс, так как погибли города-коммуны (Новгород и Псков), борьба с ересями оказалась удачной для официальной церкви. Процесс образования централизованного государства отнимал все духовные силы. Связи с Византией и западным миром ослабели из-за падения Византии и появления Флорентийской унии, обострившей недоверие к странам католичества.

Между тем каждый великий стиль и каждое мировое движение имеет свои исторические функции, свою историческую миссию. Ренессанс связан с освобождением человеческой личности от средневековой корпоративности. Без этого освобождения не может наступить новое время — в культуре и, в частности, в литературе.

То обстоятельство, что Предвозрождение в России не перешло в Возрождение, имело серьезные последствия: недозревший стиль стал рано формализоваться и застывать, а живое обращение к «своей античности», постоянное возвращение к опыту домонгольской Руси, к периоду ее независимости вскоре приобрело черты особого консерватизма, сыгравшего отрицательную роль в развитии не только русской литературы, но и русской культуры XVI—XVII вв.

Ренессансный переход к новому времени приобрел затяжной, замедленный характер. В России не было Ренессанса, но были ренессансные явления на протяжении XVI, XVII и частично XVIII вв.

В XVI в. постепенно и осторожно начинает отходить в прошлое теологический взгляд на человеческое общество. «Законы божественные» еще сохраняют свою авторитетность, но наряду со ссылками на священное писание появляются вполне «ренессансные» ссылки на законы природы. На естественный порядок вещей в природе как на образец для подражания людям в общественной и государственной жизни ссылается ряд писателей XVI в. Проекты Ермолая-Еразма основаны на представлении о том, что хлеб — основа жизни хозяйственной, общественной и духовной. Иван Пересветов в своих писаниях почти не пользуется уже богословскими аргументами. Развитие публицистики в XVI в. связано с верой в силу убеждения, в силу книжного слова. Никогда так много не спорят в Древней Руси, как в конце XV—XVI в. Развитие публицистики идет на гребне общественного подъема веры в разум.

Развитие публицистической мысли вызвало появление новых форм литературы. XVI век отмечен сложными и разносторонними исканиями в области художественной формы, в области жанров. Устойчивость жанров нарушена. В литературу проникают деловые формы, а в деловую письменность — элементы художественности. Темы публицистики — темы живой, конкретной политической борьбы. Многие из тем, прежде чем проникнуть в публицистику, служили содержанием деловой письменности. Вот почему формы деловой письменности становятся формами публицистики. Дипломатические послания, постановления собора, челобитные, статейные списки становятся формами литературных произведений.

Использование деловых жанров в литературных целях было одновременно развитием вымысла, до того весьма ограниченного в литературных произведениях, и приданием этому вымыслу формы достоверности.

Появление вымысла в летописях XVI в. было связано с внутренними потребностями развития литературы в ее самоотделении от деловых функций и вызывалось публицистическими задачами, особенно остро вставшими перед летописью в XVI в. Летопись становилась школой патриотизма, школой уважения

к государственной власти. Летопись должна была внушить читателям убеждение в безошибочности и святости государственной власти, а не только регистрировать (хотя бы и весьма страстно) отдельные исторические факты.

В историю властно вторгается политическая легенда. Русские люди все чаще и чаще задумывались над вопросами мирового значения своей страны. Большую известность получила, в частности, теория псковского старца Филофея о сменяющихся друг друга Римах, третьим и последним из которых является Москва.

Политическая легенда явилась одним из проявлений усиления в литературе художественного вымысла. Древнерусская литература предшествующего времени боялась открыто фантастического и воображаемого как лжи, неправды. Она стремилась писать о том, что было, или о том, что, по крайней мере, принималось за бывшее. Фантастическое могло приходить извне, в переводах: «Александрия», «Повесть об Индийском царстве», «Стефанит и Ихнилат». При этом фантастическое либо принималось за правду, либо считалось притчей, нравоучением, существовавшими и в Евангелии.

Развитие древнерусской литературы на протяжении всех ее веков представляет собой постепенную борьбу за право на художественную «неправду». Художественная правда постепенно отделяется от правды бытовой. Литературное воображение легализуется, становится официально допустимым.

Но, вступая в свои права, фантастика долго маскируется изображением бывшего, действительно существовавшего или существующего. Вот почему в XVI в. жанр «документа» как формы литературного произведения вступает в литературу одновременно с вымыслом.

Движение литературы к документу и документа к литературе представляет собой закономерный процесс постепенного «размывания» границ между литературой и деловой письменностью. Процесс этот в литературе был связан с деловой жизнью русского государства, со встречным процессом роста и становления жанров государственного делопроизводства и появления архивов. Он был крайне необходим для разрушения старой и становления новой системы жанров, для «эмансипации» и секуляризации литературы.

С судьбами идейной и жанровой жизни литературы сопряжены и все изменения литературных стилей. Эмоциональный стиль, выработавшийся в конце XIV—начале XV в., не смог перейти в стиль Возрождения в конце XV и в XVI в. Поэтому судьба этого стиля, искусственно заторможенного в своем развитии, сложилась неблагоприятно. Стиль этот сильно формализуется, отдельные приемы окостеневают, начинают механически применяться и повторяться, литературный этикет отрывается от живой потребности в нем и становится застылым и ломким. Этикетные формулы начинают употребляться механически, иногда

в отрыве от содержания. Литературный этикет крайне усложняется, а в результате этого усложнения исчезает четкость его употребления. Появляется некоторый «этикетный маньеризм».

Все очень пышно и все очень сухо и мертво. Это совпадает с ростом официальности литературы. Этикетные и стилистические формулы, каноны употребляются не потому, что этого требует содержание произведения, как раньше, а в зависимости от официального — государственного и церковного — отношения к тому или иному описываемому в произведении явлению.

Произведения и их отдельные части растут, становятся большими. Красота подменяется размерами. Возникает тяга к монументальности, которая, в отличие от домонгольского периода, главным своим признаком имеет большие размеры, масштабы. Авторы стремятся воздействовать на своих читателей величиной своих произведений, длинной похвал, многочисленностью повторов, сложностью стиля.

* * *

XVII век — век подготовки радикальных перемен в русской литературе. Начинается перестройка структуры литературы как целого. Чрезвычайно расширяется количество жанров за счет введения в литературу форм деловой письменности, которым придаются чисто литературные функции, за счет фольклора, за счет опыта переводной литературы. Усиливается сюжетность, развлекательность, изобразительность, тематический охват. И все это совершается в основном в результате огромного роста социального опыта литературы, обогащения социальной тематики, разрастания социального круга читателей и писателей.

Литература разрастается по всем направлениям, ослабевает в своих центростремительных силах, лежавших в основе ее устойчивости как определенной системы. В литературе развиваются центробежные силы. Она становится рыхлой и удобной для перестройки и создания новой системы — системы литературы нового времени.

Особое значение в этой перестройке литературы принадлежит изменениям действительности. События Смуты во многом потрясли и изменили представления русских людей о ходе исторических событий как якобы управляемых волей князей и государей. В конце XVI в. прекратила свое существование династия московских государей, началась крестьянская война, а с нею вместе и польско-шведская интервенция. Вмешательство народа в исторические судьбы страны выразилось в этот период с необыкновенной силой. Народ заявлял о себе не только восстаниями, но и участием в обсуждении претендентов на престол.

Общественная роль литературного слова по-прежнему была высока. Появились не только подметные письма, памфлеты, по-

литические сказания, но и многочисленные обширные исторические сочинения, посвященные только что происшедшим событиям. Активность литературы в начале XVII в. была чрезвычайно интенсивной. Авторы литературных произведений этого периода не только обсуждают события, но и эгоцентрически оправдываются в своем поведении в годы Смуты. С большей широтой и глубиной они рассматривают характеры исторических лиц, анализируют мотивы их поведения. Больше, чем прежде, их интересуют нравы высших слоев общества.

Исторические сочинения, посвященные Смуте, свидетельствуют о резком возрастании социального опыта во всех классах общества. Этот новый социальный опыт сказывается в секуляризации исторической литературы. Именно в это время окончательно вытесняется из политической практики, хотя еще и остается в сфере официальных деклараций, теологическая точка зрения на человеческую историю, на государственную власть и на самого человека. Несмотря на то, что исторические сочинения, посвященные Смуте, говорят о ней как о наказании за грехи людей, но, во-первых, самые эти грехи рассматриваются в широком общественном плане (главная вина русского народа — «бессловесное молчание» и общественное попустительство преступлениям властей), а во-вторых, возникает стремление найти реальные причины событий — по преимуществу в характерах исторических лиц.

В характеристиках действующих лиц возникает необычное для предшествующего периода смешение добрых и злых черт, возникает представление о характере, его формировании под влиянием внешних обстоятельств и его изменении. Такого рода новое отношение к человеку не только бессознательно отражается в литературе, но и начинает определенным образом формулироваться. Автор русских статей Хронографа 1617 г. прямо декларирует свое новое отношение к человеческой личности как к сложному соединению злых и добрых начал.

Еще одна черта знаменует новизну подхода к своим темам авторов начала XVII в.: это их субъективизм в интерпретации событий. Эти авторы были по большей части сами активными деятелями Смуты. Поэтому в своих сочинениях они выступают отчасти и как мемуаристы. Они пишут о том, чему были свидетелями и участниками, стремятся оправдать собственную позицию, которую они занимали в то или иное время. В их сочинениях уже заложен тот интерес к собственной личности, который будет интенсивно сказываться в течение всего XVII в.

Несомненно, что в этом историческом повествовании первой четверти XVII в. действовал тот «замедленный Ренессанс», который давал себя знать уже в XVI в.

Впрочем, не только «замедленный Ренессанс» сказался в русской литературе XVII в. Были в нем реликты явлений еще более ранних. И в XVII в. продолжает биться слабая жилка лириче-

ского отношения к человеку. От XIV в., от «застрявших» в русской культуре элементов Предвозрождения это лирическое отношение, этот стиль умиротворенного психологизма перешел и в XVII в., дав новую вспышку в «Повести о Марфе и Марии», в «Житии Ульянии Осоргиной», в «Повести о Тверском Отроче монастыре». Это вполне закономерно: будучи искусственно заторможена, линия психологического умиротворения продолжала сказываться еще три столетия, противостоя нажиму резких и «холодных» чувств «второго монументализма».

Социальное расширение литературы сказалось и на ее читателях, и на ее авторах. Это литература эксплуатируемого класса. Литература начинает классово дифференцироваться. С середины XVII в. появляется демократическая литература.

Так называемая литература посада и пишется демократическим писателем, и читается демократическим читателем, и посвящена она темам, близким демократической среде. Она близка фольклору, близка разговорному и деловому языку. Она часто антиправительственна и антицерковна — принадлежит «смеховой культуре» народа. Она во многом подобна народной книге на Западе. Это тоже «замедленный Ренессанс», но несший в себе очень сильное взрывчатое начало, разрушавшее средневековую систему литературы.

Демократические произведения XVII в. важны для историко-литературного процесса еще в одном отношении. Развитие литературы, даже самое медленное, никогда не совершается равномерно. Литература движется порывами, порывы же всегда связаны с некоторым расширением поля деятельности литературы. Первое такое значительное расширение осуществилось еще в XV в., когда приход в литературу более дешевого, чем пергамен, писчего материала — бумаги повлек за собой появление массовых форм письменности: сборников, рассчитанных на широкое индивидуальное чтение. Читатель и переписчик часто сливаются в одном лице: переписчик переписывает те произведения, которые ему нравятся, составляет сборники для «неофициального», личного чтения.

В XVII в. — новый толчок в сторону массовости литературы: это произведения демократического характера. Они настолько массовые, что историки литературы XIX и начала XX в. признавали их недостойными изучения — «заборной литературой». Они пишутся неряшливой или деловой скорописью, редко тотчас же переплетаются, оставаясь в тетрадочках и распространяясь среди малоимущих читателей. Это второй «порыв к массовости». Третий будет в XVIII в., когда литература попадет на печатный станок и разовьется журналистика с ее новыми, общеевропейскими жанрами.

Черты, типичные для демократической литературы XVII в., мы можем наблюдать и за ее собственными пределами. Многие перекликается с ней в переводной литературе, и в частности

в переводном псевдорыцарском романе. Демократическая литература не стоит обособленно во всем том новом, что она внесла в историко-литературный процесс.

Смена иностранных влияний, которая произошла в русской литературе XVII в., также характерна для этого периода перехода к типу литератур нового времени. Обычно отмечалось, что первоначальная ориентированность русской литературы на литературы византийского круга сменяется в XVII в. ориентированностью западноевропейской. Но важна не столько эта ориентированность на западные страны, сколько ориентированность на определенные типы литератур.

Русская литература, как и всякая большая литература, всегда была тесно связана с литературами иных стран. Связь эта в Древней Руси была не менее значительной, чем в XVIII и XIX вв. Можно даже считать, что русская литература до XVII в. представляла некоторое, впрочем, ограниченное определенными, по преимуществу церковными, жанрами единство с литературами южнославянскими. С развитием национальных начал в жизни всех славянских литератур к XVII в. южнославянские и византийско-славянские связи русской литературы несколько ослабевают и возникают более интенсивные связи с литературами западнославянскими, но тип этих связей уже другой. Эти связи идут не столько по линии церковных отношений, сколько по линии «беллетристики» и литературы, предназначенной для индивидуального чтения. Меняется, следовательно, тип тех иностранных памятников, к которым обращается русская литература. Раньше она обращалась по преимуществу к памятникам средневекового типа, к жанрам, уже представленным в русской литературе. Теперь же возникает заинтересованность в памятниках, характерных для нового времени, — это особенно заметно в театре, в стихотворстве. Однако на первых порах «вливают» и переводятся не первоклассные произведения, не литературные новинки, а памятники старые и в какой-то мере «провинциальные» (в драматургии, например). Знаменательно, что псевдорыцарский роман, который интенсивно проникал на Русь в XVII в., был еще тесно связан с эпохой Возрождения: здесь тот же авантюристический дух, те же открытия новых земель, смелость, ловкость и удачливость молодого героя, полагающегося только на себя, и т. п. И это, конечно, не случайно. Но недалеко то время, когда русская литература войдет в непосредственный контакт с литературой высшего ранга, с первоклассными писателями и их произведениями.

Но дело не только в типах литератур, к которым обращается русская литература. Дело еще и в том, как она к ним обращается. Мы видели, что в XI—XIII вв. произведения литератур византийского ареала «трансплантируются» на Русь, «пересаживаются» сюда и здесь продолжают развиваться. Нельзя сказать, что этот тип иноземного воздействия исчез в XVII в., но теперь

появляется и новый тип воздействия, характерный для литератур нового времени. Еще в конце XIV—начале XV в. так называемое второе южнославянское влияние было не столько литературным, сколько общекультурным и богословским. Оно приходило с самими памятниками, переносившимися на Русь от южных славян. В XVII в. переносятся не столько памятники, сколько стиль, литературные приемы, направления, эстетические вкусы и представления.

Как одно из проявлений влияния нового типа может рассматриваться и русское барокко. Русское барокко — это не только отдельные произведения, переведенные с польского или пришедшие с Украины и из Белоруссии. Это прежде всего литературное направление, возникшее под влиянием польско-украинско-белорусских воздействий. Это новые идейные веяния, новые темы, новые жанры, новые умственные интересы и, конечно же, новый стиль.

Всякое более или менее значительное воздействие со стороны осуществляется лишь тогда, когда возникают собственные, внутренние потребности, которые формируют это воздействие и включают его в историко-литературный процесс. Барокко также пришло к нам вследствие своих, достаточно мощных потребностей.

Барокко, которое в других странах пришло на смену Ренессансу и являлось его антитезисом, оказалось в России по своей историко-литературной роли близким Ренессансу. Оно носило просветительский характер, во многом содействовало освобождению личности и было связано с процессом секуляризации, в противоположность Западу, где в некоторых случаях в начальных стадиях своего развития барокко знаменовало собой как раз обратное — возвращение к церковности.

И все же русское барокко — это не Ренессанс. Оно не может равняться с западноевропейским Ренессансом ни по масштабам, ни по своему значению. Не случайна и его ограниченность во времени и в социальном отношении. Это объясняется тем, что подготовка к русскому Ренессансу, вылившемуся в формы барокко, шла слишком долго. Отдельные ренессансные черты стали проявляться в литературе еще раньше, чем эти черты смогли вылиться в определенное культурное движение. Ренессанс частично «растерял» свои черты по пути к своему осуществлению.

Поэтому значение русского барокко как своеобразного Ренессанса — перехода к литературе нового времени — ограничивается ролью «последнего толчка», приблизившего русскую литературу к типу литературы нового времени. Личностное начало в литературе, которое до барокко проявлялось эпизодически и в разных сферах, в барокко слагается в определенную систему. Секуляризация, происходившая в течение всего XVI и первой половины XVII в. и проявлявшаяся в разных сторонах литературного творчества, только в барокко становится полной. Накапливаю-

щиеся новые жанры и перемена значения старых жанров только в барокко приводит к сложению новой системы жанров — системы нового времени.

Появление новой системы жанров — основной признак перехода русской литературы от средневекового типа к типу нового времени.

Весь историко-литературный процесс X—начала XVIII в. есть процесс формирования литературы как литературы, но литературы, существующей не для себя, а для общества. Литература — необходимая составная часть истории страны.

* *
*

Остановимся кратко на тех общих линиях и тенденциях развития, которые могут быть отмечены в русской литературе X—XVII вв. и которые переходят затем и в новое время.

Эти «внутренние» тенденции и линии развития средневековой русской литературы определялись в конечном счете мощным, но не всегда непосредственным воздействием действительности.

Прежде всего необходимо отметить, что литература, привнесенная извне, из Византии и Болгарии, как целое, как система определенных жанров и целых произведений, постепенно во всех ее формах и проявлениях идет на детальное сближение с русской действительностью. Литература вырабатывает новые жанры, отвечающие нуждам русской жизни и способные отражать идеи, темы и сюжеты, возникающие в условиях русской действительности. Византийско-славянская система жанров существенно изменяется, разветвляется, обогащается. Возникают различные формы стилей, разные формы сближения «высокого» церковнославянского литературного языка с языком деловой письменности и с устной речью в ее многообразных проявлениях.

Этот процесс сближения с русской действительностью своеобразно соединяется с процессом постепенного освобождения литературы от чисто деловых и церковных задач. Литература отвоевывает свое собственное поле действия, все более выходит в сферу художественности. Литература становится литературой, и это означает, что она свободнее и тем самым теснее и точнее отражает жизнь. Этот процесс освобождения литературных произведений от деловых функций отчасти связан с постепенной секуляризацией всей русской культуры. Литература становится все более светской даже в некоторых ее церковных жанрах (жизия святых, проповедь и пр.). И это особенно заметно в XVI и XVII вв.

Литература, эмансипируясь и становясь литературой в собственном смысле этого слова, одновременно завоевывает собственное прочное положение в духовной жизни общества. Общественное значение литературы энергично возрастает.

Этот рост общественного значения литературы связан с расширением ее социального охвата. Все более и более расширяется социальный круг читателей, а также и авторов. Это последнее обстоятельство меняет соотношение литературы и фольклора. Первоначально «водораздел» между литературой и фольклором проходил главным образом в области жанров. Фольклор, распространенный во всех слоях общества, восполнял отсутствие в литературе лирических и развлекательных жанров. Литература же, доступная главным образом господствующему классу (хотя отдельные жанры устно, через церковь, были «обязательны» для всех), удовлетворяла не все потребности в художественном слове. В XVII в. фольклор отступает по преимуществу в народ, а вслед за отступающим фольклором в ту же среду начинает проникать литература. Создается литература демократического посада. Процесс перераспределения социальных сфер действия литературы и фольклора — также одна из самых важных линий развития искусства слова.

Социальное расширение литературы естественно связано с расширением тем, с расширением социально допустимого в литературе, а последнее влечет за собой приближение средств изображения к изображаемому, «опрощение» части литературы, проникновение в литературные произведения просторечия и элементов реалистичности.

Для средневековых литератур, особенно ранних, характерно преобладание традиционности, инертности формы, постепенно «взламываемой» новым содержанием. Произведения подчиняются литературному этикету, включают в себе традиционные образы и устойчивые формулы (воинские, агрографические и т. д.). Традиционность формы не следует рассматривать только как недостаток. Она облегчает создание новых произведений, подобно тому как стандартизация строительного материала облегчает строительство, но, конечно, затрудняет появление индивидуализированных памятников. Традиционность в литературе облегчала ее «генетические» способности, «вариативность» текста произведений, но одновременно и тормозила развитие литературы. Вот почему традиционность литературы, вначале, в XI—XIV вв., весьма высокая, постепенно усложняясь, начинает терять свои позиции. Возникает потребность не только в индивидуальном лице произведения, но и в индивидуальном авторе — авторе, имеющем свою, интересующую читателей биографию, свой литературный стиль, свои, только ему присущие убеждения. Роль личности в литературе возрастает настолько, что в XVII в. появляются уже писатели-профессионалы, хотя отдельные черты профессионализма были свойственны писателям и более раннего времени (Пахомий Серб — XV в., Максим Грек — XVI в.). Роль личности возрастает и в литературных произведениях: с конца XIV в. усиливается интерес к внутреннему миру человека, возрастает эмоциональность, а с начала XVII в. начинают склады-

ваться первые представления о человеческом характере. В XVII в. биография писателя начинает играть все большую роль в литературном развитии. Яркие биографии имеют писатели — деятели Смуты, отдельные стихотворцы, Аввакум и пр.

Постепенное падение традиционности и возрастание личностного начала в литературе — это две линии, тесно связанные между собой.

Наконец, на протяжении первых семи веков развития русской литературы могут быть прослежены и более узкие тенденции ее развития, например, изменение метафор, метонимий и некоторых других художественных средств в сторону их большей изобразительности, снижения роли символов и аллегорий и т. д. Может быть отмечена как особая линия в развитии литературы — «эмансипация» художественного времени, появление и усиление художественной значимости настоящего времени, сделавшего в числе многих других условий возможным появление театра.

Трудно перечислить все те линии и направления, которые могут быть обнаружены исследователями самого процесса развития литературы. В частности, следует обратить внимание на изменение типа иностранных влияний. Несомненно, что византийское влияние или влияние болгарское были в русской литературе X—XIII вв. качественно и структурно отличны от влияния западноевропейского в XVII в. Здесь тоже скрыта особая и важная линия развития.

Все эти линии и тенденции развития в своих общих формах более или менее свойственны всем средневековым литературам на путях их перехода к типу литератур нового времени. Однако своеобразие исторического пути древнерусской литературы отразилось на всех этих линиях и тенденциях и привело к своеобразию ее достижений.

«Трансплантация» византийских и болгарских памятников привела к «трансплантации» же идей всечеловечества. Русская литература развила и донесла до нового времени эту заботу об общих судьбах всего мира, а не только русского народа. Вместе с тем с самого начала, призванная к тому нуждами русской действительности, русская литература определилась как высоко патриотическая, с обостренным национальным самосознанием. Это в значительной мере объясняется особой ролью, которая выпала на долю литературы в период феодальной раздробленности: недостаток экономических и политических связей между отдельными областями и княжествами восполняет литература, напоминая о единстве Русской земли, о ее исторической общности.

Большое общественное значение русской литературы, обусловленное особенностями самой действительности, сохранилось за ней на протяжении всех последующих веков.

В частности, ускоренное строительство русского централизованного государства в XV и XVI вв. потребовало участия в нем литературы. В литературе начинают преобладать большие нецо-

средственно государственные и социальные темы, развивается публицистика, и публицистичность в той или иной степени овладевает всеми жанрами русской литературы, тормозя развитие «беллетристичности», развлекательности, «сюжетности» и «косвенности». Литература постепенно приобретает сугубо учительный характер — сперва более или менее церковный, затем светский.

Долго задержавшееся Предвозрождение способствовало развитию в русской литературе эмоциональности и «особой сердечности».

Обилие жанров (привнесенных извне и «своих»), различные стилевые пласты этих жанров привели к обогащению и развитию литературного языка, к появлению в нем различных его модификаций.

Однако были не одни только достижения. Сравнительно поздняя эмансипация человеческой личности и поздняя секуляризация литературы не дали в достаточной мере развиваться и расцвести в ней вплоть до середины XVIII в. личностному началу. Развитие личностного начала совершалось с большим трудом и только во второй половине XVIII в. позволило русской литературе достичь уровня других литератур нового времени.